

15 ДЕК 1966

г. Киев

Газета №

НЕИСТРЕБИМАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Синий луч проекционного фонаря прорезает зал, и на прозрачном занавесе возникают скорбные фигуры в полосатой лагерной одежде. Так мы, зрители, входим в атмосферу очень интересного, сложного и умного спектакля, который показал в Киеве Сербский национальный театр из города Нови-Сад.

Пьеса Джорджа Лебовича «Аллилуйя» принадлежит к столь распространенному в наши дни жанру интеллектуальной драмы, драмы идей. В ней есть нечто от духовного климата драматургии Дюрренматта, есть какие-то внешние элементы, заставляющие вспомнить современные французские пьесы, но в основном, главным, она тяготеет к большому гуманистическому театру Брехта.

Сюжет условен и прост. После войны несколько десятков узников концлагеря попадают в больницу Святого Рафаэля, находящуюся в ведении командования освободительной армии. У них чистые постели, много еды, пижамы в нежно-голубую полоску. И все-таки в благостной тишине палаты по-прежнему живет давний кошмар концлагеря. Он в механических и неуверенных движениях больных. В их невеселом смехе. Даже в этих полосатых пижамах, так навязчиво похожих на одежду заключенных.

Внезапно больничная тишина нарушается трагическим событием — умирает один из бывших узников. Санитары с носилками приходят, чтобы унести его тело и закопать где-то в общей могиле. Но товарищи умершего не разрешают этого. Они хотят похоронить Ийою со всеми церемониями и почестями, как хоронили своих усопших родственники и близкие в далекие мирные времена. Бывшие заключенные видят в торжественном погребении Ийою какой-то первый шаг к тому, чтобы вновь обрести человеческие права, достоинство, уважение и самим себе. Чтобы исполнить свой человеческий и гражданский долг по отношению к погибшему товарищу, приходится бороться.

При всей условности места действия пьесы, в стране, где протекают

события, легко узнается послевоенная Западная Германия. Это подчеркивается даже в деталях одежды, в жестях. Много показного, лицемерного в «гуманном» отношении большого персонала и оккупационных властей к бывшим узникам, и так много едва прикрытого недоброжелательства, злобы. Борьба сплачивает товарищей Ийою, выпрямляет их, возвращает им веру в свои силы. В конце концов больным, измученным людям удается преодолеть все трудности. Осталось уговорить священника совершить погребальный обряд. Но священник никак не может понять, зачем им все это нужно? Может быть, их товарищ был какой-то

Т Е А Т Р

особенной, выдающейся личностью? И слышит в ответ: «Нет, он не был выдающийся, но он был личностью!» Эти слова могут быть ключом к пониманию гуманистической идеи пьесы.

В спектакле нашли свое художественное воплощение и другие темы пьесы — осуждение равнодушия к страданиям человека, которое превращается в пособничество убийцам; обновление личности, зараженной нелепыми и жестокими предсудками, когда эта личность сталкивается с живой правдой, испытывает на себе чудо большой дружбы и большой любви. Идейный мир пьесы «Аллилуйя» неизмеримо шире того, что дает ее условный сюжет.

Когда смотришь спектакль наших югославских друзей, видишь, как актерская игра и мастерство режиссера Димитрие Джуковича обогатили материал пьесы. Очень сильное впечатление производит игра Велемира Животича. С самого начала фигура худого старика в старомодном пиджаке и высоком воротнике — Юстуса привлекает внимание. Его привязанность к каким-то формам поведения кажется нелепой, неуместной. Но подчеркнуто вежливый, очень прямой старик не только сам сохраняет среди жестокости и унижения лагерной жизни достоинство человека, но и не дает другим опуститься, огрубеть, очерстветь душой.

Способность человека в самых ужасных условиях, после всех унижений, пытки страхом и болью сохранить доброту и человечность необыкновенно сильно показана в образе Мойши — его играет Драголюб Милосавлевич-Гула. Трудно забыть сцену, когда этот маленький, болезненный человек с ковыляющей походкой и робкими, молящими движениями приходит к майору — начальнику больницы. Он кажется слабоумным, забитым, растоптанным существом. Как неудобно он чувствует себя в ослепительно белом больничном кресле, как неумело держат его руки сигарету! Кажется, что кресло это стул пыток, а сигарета жжет его неловкие пальцы. Убедительно льются слова врача «инфекция... ин-спекция... хоронить нельзя... вы меня понимаете...» Покорно кивает головой Мойша, больше всего озабоченный, как бы не обронить пепел на пол. И вдруг, уже где-то в дверях, он оборачивается, дрожащий голос обретает силу, и зал вспыхивает аплодисментами: вчерашний узник кричит, что товарищи не отдадут на поругание тело Ийою.

Вообще в спектакле нет проходных ролей: каждый образ выписан ярко, каждый волнует и запоминается. И юный нежный и наивный Пипл и мужественный Сипка, и бывший лагерный капо урюмый Зеро, пытающийся искупить свою вину.

Удално оформление Владимира Маренича. Особенно хорош задник. В зависимости от освещения, он напоминает то какие-то сплетения рваного арматурного железа — руины войны, то тускло сверкающее золото церковной росписи, то ушедшие в хламом стены лавки старьевщика, самыми экономными средствами, создавая нужное настроение.

Не удивительно, что этот интересный спектакль получил высокое признание на X югославском театральном фестивале 1965 года, а режиссер и исполнители главных ролей — различные награды.

Второй спектакль наших гостей «Страда» Радое Домановича продолжает и развивает традиции югославской драматургии, блиставшей такими именами, как Бранислав Нушич.

Это спектакль-сатира, и решен он в совершенно ином плане, чем «Аллилуйя». И здесь еще одно подтверждение того, что театр в Нови-Саде — многоплановый, ищущий, новаторский.

Талантливый коллектив тепло приняли зрители столицы Советской Украины.

К. ШАХОВА.
Доцент Киевского университета имени Т. Г. Шевченко.